

Нина Фрольцова

Белорусский государственный университет

**МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ:
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ СМК**

В начале XX в. З.Фрейд в результате обширной врачебной практики пришел к выводу об амбивалентном строении психики человека. С одной стороны, единственному из всех живых существ ему дана способность биологический инстинкт продолжения рода ассоциировать с тонкими переживаниями. С другой – именно эта способность подсознательно толкает личность к агрессивным поступкам. Такое состояние З.Фрейд сравнил с вечным «полем битвы между Эросом и Танатосом», «потаянный» конфликт между которыми во многом, независимо от сознания, определяет мотивации внешнего поведения. Продолжая идеи Платона, он считал, что умиротворению конфликта препятствует «репрессивный механизм культуры», и мечтал о «сублимации», полностью освобождающей сознание от всяких «культурных» табу. Платон же полагал, что жизнеспособность любого государства состоит в том, чтобы люди обоих полов свободно наслаждались взаимной радостью соединения, не обременяясь ответственностью за судьбы потомства. Возращение и воспитание детей возлагались им на государство.

В эпоху массмедиа и Интернета важно отметить, что уже в древности практическое разрешение проблемы обустройства общественных нравов неизбежно связывалось с балансом между контролирующей функцией государства и регулирующей ролью культуры. Впервые применил этот принцип афинский законодатель Солон в 594 г. до н.э. Он принудительно отделил институт брака от естественного удовлетворения страсти. Государство следило, чтобы брак заключался по любви, а супружеская неверность каралась вплоть до лишения имущества и жизни. В том же суровом законе было прописано понятие «порнографии», где «порно» по-гречески означает «разврат». Кстати, именно за «развращение молодежи» Сократ высшим органом судебно-политической власти – ареопагом – был приговорен к собственноручному принятию яда. В свою очередь, культуре отводилась

сфера, в которой обитала особая, но ограниченная в гражданских правах часть населения. Социально она была представлена актерами театра, натурщиками и танцовщицами, флейтистами и плакальщицами, храмовыми жрецами и жрицами. Сосредоточив это сословие в определенных видах занятости, греки тем самым первыми осознали, что без культуры не обойтись, следует только с помощью государственного надзора умерить ее вольности. Сделать это по-своему удалось, несмотря на многобожие, торговлю рабами, в том числе детского возраста, культ обнаженного тела, которое в буквальном и переносном смысле считалось мерой всех вещей, строгую социально-политическую иерархию, где только «аристократы» – «лучшие» – допускались к участию в демократических процедурах. Примечательно, что эллинистическая этика не предусматривала экономической выгоды для государства. Достаточно было того, что служители досуга – «схоле», какими бы изощренными не были его формы, кормились сами. В противном случае нарушителю правил грозило напрямую отправиться к Танатосу.

В римской империи в законодательство греков добавили имущественный ценз, а по сути государственную цензуру, положившую начало коммерциализации морали. Хронический неплательщик долгов и налогов мог рассчитаться с кредиторами специфическими услугами особы любого пола из своей семьи. Если натурщица греческого скульптора Праксителя Фрина вошла в историю эротического искусства как бескорыстная служительница муз, то супруга тирана Клавдия Клодия под псевдонимом Мессалина обессмертила это имя не только необузданностью плоти, но и тем, что продавала ее за высокую цену. мода на инкогнито быстро распространилась среди римских матрон, подстегивая алчность в добывании личных денег. Порок настолько широко охватил семьи патрициев, что, начиная с императора Августа, стали действовать государственные чиновники (эдилы), которые безжалостно наказывали за злоупотребления конфискацией имущества, телесными наказаниями и каторжными работами. В еще большей степени контроль ужесточился с официальным принятием христианства в IV в. Отцы семейств, согласно закону, наделялись правом лишать

наследства сыновей за беспутное поведение, а бесчестную женщину без оговорок выгнать из дома. Эта тенденция неукоснительно сохранялась в средневековье. За аморальность невозможно было откупиться индульгенцией, и часто тайна исповеди заканчивалась позорным столбом на площади или сожжением на костре. В число согрешивших попадали в основном женщины, на дьявольские козни которых списывался естественный зов природы.

Таким образом, «дионисийский» стиль жизни, по определению Ф. Ницше, во все эпохи никогда не поощрялся вершителями государственной власти. С ростом просвещения и движением феминизма с XVIII в. проблема общественной морали сместилась в сторону резкой критики двойственности государственной политики. Но защита прав женщин пропагандировалась в салонах, которые держали представительницы так называемого полусвета. При наличии мorganатических браков и мезальянса они в конце концов лелеяли надежду законно обрести семейное счастье, как это сделала фаворитка Наполеона Жозефина. Богема же, по греческой традиции отстраненная от политических решений, не только с упоением отдавалась, по Платону, одержимости музами, но и косвенно веками выполняла огромную регулирующую роль. Эротическое искусство, мотивы которого стали привычными даже в церковных приделах, приучало людей к формам художественной условности, к тому, что личные интимные фантазии можно пережить эстетически, а грубая проза жизни не всегда сопоставима с ее отражением в художественных образах.

Краткий экскурс в историю проблемы показывает, что государственный надзор прежде всего был направлен на институт брака. Задолго до Ф. Энгельса семья понималась не только как первичная ячейка общества, но и как государственная демографическая фабрика, конвейерной линией в которой была женщина. Что бы там ни происходило под покровом ночей в чужих альковах, но монархи и президенты, банкиры и землевладельцы, коммунистические секретари и генералиссимусы, чтобы отправлять власть, нуждались в людских ресурсах. Любопытен, например, такой факт. Римским легионерам офи-

циально запрещалось жениться. Но дети, рожденные на завоеванных землях варваров, признавались законными наследниками имущества.

Во второй половине XX в., когда медицина и фармацевтика научились выхаживать детей даже в пробирке, необходимость вечно ходить беременной и вместе с супругом трястись от статистики, что лишь каждый седьмой младенец в развитых странах когда-нибудь станет взрослым, отпала. Естественно отпала и государственная потребность в семье. Восторжествовал, вопреки З. Фрейду, «репрессивный механизм» культуры, но с «сублимацией» в ярко выраженной богемной форме, или, в терминах отечественных исследователей, в форме массовой культуры. Инфляция семейных ценностей началась с США, государства исторически эмигрантского. Либерализации морали способствовал комплекс социально-политических факторов, связанных с развитой рыночной экономикой, высоким качеством жизни, секуляризацией и научно-техническим прогрессом СМК. К 1980-м годам экспансия американской информационно-символической продукции либерального содержания приобрела глобальный характер. Хотя в самой стране существует ее классификация, но прибыльный экспорт на мировой рынок осуществляется в основном за счет самой низкой категории «С».

На европейском континенте неоднократно предпринимались попытки сохранить нравственную цензуру с привлечением специальных общественно-государственных органов. Наиболее удачным признается опыт Британского Союза классификации (British Board of Film Classification), ранее Британского бюро киноцензоров, и Британского Совета по рекламе (British Council of Advertising), опирающихся на закон «О непристойных изданиях», принятый еще в XIX в. Обе организации наделены правом производить без уведомления авторов купюры или запрещать распространение вербальной и визуальной продукции, пропагандирующей порнографию, насилие, жестокость и наркоманию, а также обязаны реагировать на обращения граждан. В международном масштабе наиболее эффективной является деятельность специального управления Интерпола, с которым сотрудничает и белорусское МВД.

К сожалению, сотрудники белорусских СМК, как, впрочем, и стран СНГ в целом, даже в лице топ-менеджеров, слабо осведомлены о мерах, которые предпринимаются на основе международного предотвращения торговли людьми, наркотиками и педофилии. Сенсационный интерес к этой проблеме вспыхивает лишь тогда, когда событие состоялось, как это случилось, например, с гастролями одной порнозвезды в Минске. Обсуждение в прессе, теле- и радиоэфире закончилось парадоксальным выводом о вреде всякой цензуры вообще. Отсутствие системного понимания сотрудниками постсоветских СМК возросшей значимости культурной регуляции общественной нравственности в современном мире неизбежно накладывает негативный отпечаток на общую оценку результатов их деятельности населением.

Виктор Шимолин

Белорусский государственный университет

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА БЕЛОРУССКУЮ ФОТОГРАФИЮ ИЗ ЦЕНТРА ЕВРОПЫ

Отправной вехой истории белорусской фотографии большинством исследователей признается изображение В. Дунина-Марцинкевича, запечатленное в 1863 году Антоном Прушинским. Имеются другие замечательные фотографии, имена которых за давностью лет преданы забвению, а их работы хранятся в архивах и семейных альбомах.

Развитие фототехники и совершенствование качества фотоматериалов расширило круг белорусских фотографов. Из нескольких отечественных первопроходцев более всего на слуху имя Яна Булгака. Наибольший успех в фотографическом творчестве сопутствовал Моисею Наппельбауму, за которым потянулись десятки и сотни мастеров, благодаря которым фотография превратилась в искусство. А самые первые вошли в когорту классиков белорусской фотографии и фотожурналистики. Пришло ли время писать историю отечественной светописси, создавать энциклопедию? Однако на повестке дня подобный вопрос не стоит ни в государственных структурах, в Министерстве